

К вопросу о месте отливки больших колоколов Ростовской Успенской звонницы

Д.В. Смирнов

Удивительное дело, на сегодняшний день мы уже достаточно много знаем о строительстве ростовского Архиерейского дома и вообще о митрополите Ионе III (Сысоевиче). Однако о таком важном моменте, как отливка больших колоколов звонницы, почти ничего неизвестно, и это при том, что на колокола истрачены огромнейшие деньги. Один только «Сысой» обошелся митрополии в сумму свыше 10000 рублей¹. Ко времени отливки колоколов относится также одно из самых известных выражений митрополита Ионы: «...На своем дворишке лью колоколишки и дивятся людишки»².

Исходя из этой фразы, долгое время считалось, что пруд в центре кремля не что иное, как остатки литейной ямы. Версия эта давно уже опровергнута. И все же я ее повторю: «...транспортировка колоколов к звоннице в этом случае представляла бы большую сложность. Уже были возведены стены, отделявшие пруд от звонницы, башни и храм «Воскресения»; провезти колокол сквозь имеющиеся проходы было бы весьма неудобно, если не вовсе невозможно»³. Но не только в транспортировке было дело. Как мы потом увидим, сложность перевоза колокола не самое главное. Труднее себе представить, чтобы посередине только недавно построенной и изукрашенной резиденции митрополит решил разместить колокололитейное производство, которое сопровождается множеством неудобств, таких, как дым от литейных печей, сажа, копоть, постоянный шум, множество не связанных с обслуживанием митрополита людей. Если еще учесть, что отливка больших колоколов может занимать не один год, то все эти неудобства увеличиваются многократно. Только подготовка к отливке даже на Московском Пушечном дворе может длиться не один год⁴. К примеру, когда в 1744 году в Троице-Сергиевой Лавре готовились отливать колокол весом в 4000, «...с прибытием в Лавру мастеров почти два года прошли в разных приготовлениях, подробности которых нам неизвестны»⁵. Думаю, что в данном случае времени также было затрачено не меньше. Что же касается предложения, что колокола отливались на соборной площади, то во время недавней прокладки дренажной системы у собора этому подтверждения не нашлось.

Теперь о колоколах. К моменту строительства звонницы в начале 80-х годов уже имелось в наличии как минимум 9 колоколов, из них большие в 140, 125 и 80 пудов⁶. И причем последний, называемый сейчас «Баран», отлит мастером Московского Пушечного двора. Емельян Данилов отлил этот колокол в 1654

году, но только не «в Ростове», а «для Ростова»⁷. Вероятней всего, колокол был привезен в Ростов из Москвы и непосредственно с Пушечного двора. А вот для отливки больших колоколов мастера Пушечного двора были вызваны (или присланы) в Ростов. И тут им предстояла огромная работа, сначала подготовить место для отливки, а затем выполнить и саму отливку. Надо заметить, что подобные командировки (или посылки – как они тогда назывались) у мастеров Пушечного двора дело обыкновенное, хотя и не частое⁸.

Для того, чтобы продолжить свой рассказ, мне необходимо несколько отклониться от темы, но только для того, чтобы дать представление о том, какая организация труда существовала на Московском Пушечном дворе. В его истории можно выделить 3 периода, соответствующие общему ходу развития центральных государственных учреждений: восстановительный период – первые 20-30 лет после «московского разорения»; период расцвета – середина XVII века – 1670 год; и период заката – с конца 70-х гг. XVII в.⁹ Здесь подразумевается «закат» не в смысле упадка. Если в начале века мастера-литейщики были универсальны в своем умении, то к концу XVII в. штат Пушечного двора составляли люди уже очень многих специальностей: литейщик мастер, плавильный мастер (приготовление сплава, а также извлечение из земли залившейся в литейные ямы меди и ее переплавка), кузнецы (крепеж для отливки и подъема колоколов, оковок для станков, языки к колоколам и др.), к металлистам Пушкинского приказа относились также «паяльщики», «пильщики», «чищельщики», резцы всяких дел, знаменщик, чертёжник, иконописцы, пушкари (выполняли многие тяжелые, но ответственные работы, бывали на службах, «во всяких посылках», стояли на караулах), и для самых различных «черных» работ привлекались «ярыги» (секли дрова, мяли глину, ковали «крепи», землю копали, ямы литейные устраивали, топили печи, чистили колокола)¹⁰. В работе использовались самые современные приспособления, как, например, водяной молот, особенно при отливке больших колоколов. При Пушечном дворе имелась отличная техническая библиотека, где были разнообразные справочники и книги по литейному производству. Но даже здесь отливке колоколов предшествовали длительные и сложные подготовительные работы по изготовлению формы – «образца» и разных приспособлений по устройству литейных ям и литейных печей. А сама цепочка выполнения заказа на отливку колокола представляла из себя следующее: заказ, смета, подготовительные работы, заготовка «образца» – формы, отливка, чищенье и отделка¹¹.

Я не случайно так подробно остановился на процессе производства колоколов. Ведь колокола «Сысои», «Полиелейный» и «Лебедь» отливали именно московские литейщики, приглашенные митрополитом в Ростов, и все вышесказанное имеет непосредственное к нашей теме отношение.

Но вернемся в Ростов. Известно, что свои традиции литья колоколов в нашем городе уже существовали. Вот, например: «В 1412

году политы колокола в Ростове»¹². Скорее всего, это были единичные случаи. И кузнецы в Ростове были свои, в середине XVII в. уже была отдельная кузнечная слободка¹³. Можно предположить, что к моменту приезда московских литейщиков у митрополита имелась возможность обеспечить их вспомогательной рабочей силой. Я вполне допускаю мысль, что работа по отливке колоколов началась одновременно со строительством звонницы или же чуть позже. Обычная практика того времени, когда колокольня перед тем, как на ней разместятся колокола, должна «отстояться».

Теперь попробуем проанализировать, где же могла происходить отливка колоколов. Если отталкиваться от фразы митрополита Ионы «на своем дворишке лью колоколишки и дивятся людишки», то это должно быть одно из владений митрополита. Я попробовал, собрав воедино все имеющиеся факты, исследовать, где в городе удобнее всего разместить литейное производство. Вот что получается: версия первая: удобное место рядом со Спасо-Яковлевским монастырем. Рядом протекала речка, где можно поставить водяной молот, достаточно высокое место, песчаная почва, расположение за городской чертой. На вопрос, как могли доставить колокол на место, ведь расстояние свыше километра? Отвечу примерами. В 1600 году в Москве по указу Бориса Годунова был отлит колокол для Троице-Сергиевой Лавры весом в 1000 пудов. Отливка производилась на Пущечном дворе. В доставке колокола на место участвовали 3500 человек (имеется описание перевозки колокола по Москве), а расстояние до Лавры около 100 км¹⁴. Или же другой пример. В 1744-46 гг. опять же в Лавре отливали колокол весом в 4000 пудов. Отливка производилась в 100 саженях (200 с лишним метров) от колокольни¹⁵. По времени эта отливка отстоит от нашего случая на 60 лет. Как видим, доставка больших колоколов не составляла такой проблемы, как кажется. Так что место отливки у Спасо-Яковлевского монастыря мы вполне можем рассматривать как одну из версий.

Предположение второе: колокола отливали напротив Успенского собора, у валов, за нынешним Сбербанком. Место достаточно высокое, близко к звоннице. Валы в то время окружала река Пига, и это могло быть использовано. Но, скорее всего, кузнечные работы выполнялись кузнецами Архиерейского двора или же в городе. На возражения, что это место было занято постройками, можно ответить предположением о том, что, не пожалев гигантской суммы на колокола, митрополит мог просто выкупить на снос эти постройки за малые деньги. Конечно, наилучшим подтверждением всего было бы проведение археологических изысканий. Но в наше трудное время на это вряд ли приходится рассчитывать. Можно ограничиться несколькими шурфами здесь, в центре, пока эта площадка не используется и работы никому не помешают.

Пока я попробовал только два предполагаемых места отливки. Круг поисков может и не ограничиваться только ими. Я бы назвал еще район Белогостицкого монастыря и села Львы. Конечно, наилучшим выходом было бы найти документы, проливающие свет

на этот вопрос, но рассчитывать на это вряд ли приходится, однако надеяться раскрыть тайну отливки больших колоколов Успенской звонницы нужно обязательно.

*

- 1 Бондаренко А.Ф. Развитие колокольного дела в России в XVII веке. Диссертация. М., 1997. С. 45, 46.
- 2 Толстой М.В. Святыни и древности Ростова Великого М., 1866. С. 44.
- 3 Тюнина М.Н. Ростовские колокола и звоны // Колокола. История и современность. М., 1985. С. 141.
- 4 Бондаренко А.Ф. Указ. соч. С. 89.
- 5 Арсений, иеромонах. О Царь-колоколе Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. СПб., 1880. С. 6.
- 6 Мельник А.Г. Новое о звоннице // Соборная звонница Ростова Великого. СРМ. Ростов, 1993. Вып. IV. С. 20; ГМЗРК. Р-1083. Л. 29 об.
- 7 Израилев А. Ростовские колокола и звоны. СПб., 1884. С. 12.
- 8 Бондаренко А.Ф. Указ. соч. С. 92.
- 9 Там же. С. 63.
- 10 Там же. С. 81-85.
- 11 Там же. С. 88.
- 12 Тюнина М.Н. Указ. соч. С. 138; ПСРЛ. М.-Л., 1963. Т. 23. С. 93.
- 13 Сазонова Е.И. Ремесло и торговля Ростовского посада по переписным книгам второй половины XVII в. // СРМ. Ростов, 1992. Вып. 1. С. 53.
- 14 Бондаренко А.Ф. Указ. соч. С. 98.
- 15 Арсений, иеромонах. Указ. соч. С. 6.